

КРУГОЗОР

**Т.Г. ЩЕДРИНА, профессор
Московский педагогический
государственный университет**

Интуиции будущего в «экзистенциальных дневниках» 1920–1930-х годов: Григорий Церетели – Михаил Пришвин – Густав Шпет*

В данной статье рассматривается отношение выдающихся русских интеллектуалов – ученого (Григорий Церетели), писателя (Михаил Пришвин), философа (Густав Шпет) – к образовательным реформам 1920–1930-х гг. в Советской России, отраженное в письмах и дневниковых заметках. Эти записи являют ценнейший экзистенциальный опыт, свидетельствующий об исторической обусловленности современного состояния интеллектуальной культуры и системы образования России.

Ключевые слова: образование, интеллектуальная культура, герменевтика, экзистенциальный дневник, интуиция.

Русские мыслители, жившие в эпоху начала образовательных реформ в Советской России, оставили нам богатейшее эпистолярное наследие. В своих письмах и дневниковых записях они часто затрагивают тему интеллектуальной культуры будущей России. При этом глубоко личная форма повествования придает их высказываниям о настоящем профетический характер. Современное истолкование их интуиций о будущем исторично по своей сути. Мы схватываем смысл того, что «стоит на бумаге», потому, что имеем предварительную проекцию смысла, которая, впрочем, постоянно пересматривается в зависимости от того, что получается при дальнейшем вникании в смысл. Рассматривая их интуиции будущего как феномен герменевтический, мы строим мост между прошлым и будущим...

Предвидение нередко путают с предсказанием, тем самым чрезмерно рационализируя этот феномен. В предвидении, безусловно, присутствует элемент рассуждения, однако исторический смысл предвидению придает именно феноменологическое переживание происходящего. Способы предсказания в значительной мере прозрачны, поскольку предсказатель

(ученый или писатель) занимается этим намеренно, он сознательно конструирует ситуацию будущего и выражает ее в слове. Конечно, и предсказывающий опирается на свою интуицию, однако, как только он начинает намеренно овнешнять, обосновывать свое предвидение, представлять его на бумаге в виде рационализированных картин будущего, предназначенных для Другого, экзистенциальные основания предвидения стираются, уходят в тень. Даже в литературно и художественно оформленных предсказаниях (утопиях и антиутопиях), не говоря уже о научно-прогностической работе или мысленном эксперименте, интуиции будущего подстраиваются под законы жанра. Исчезает личностная наполненность высказывания: его искренность, откровенность, открытость.

Что же делать исследователю, который задался целью проанализировать не сами результаты предсказания, но способы предвидения, его экзистенциальные основания? Как возможно получение знания об интуициях будущего? Дело в том, что интуиции эти осуществляются в высказывании, в общении, они всегда словесно оформлены,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 10-03-00077-а.

а значит, могут быть исследованы как *герменевтический феномен*. При таком способе рассмотрения будущее может трактоваться как соответствующий способ бытия историчности, а исследовательское внимание устремлено к таким формам письма, где интуиции выражаются именно в экзистенциальной форме (искренне, откровенно, открыто).

Интуиции человека, находящегося в пограничных ситуациях (перед лицом вины, смерти, в тяжелых жизненных обстоятельствах, стрессовых ситуациях, в том числе тотального страха быть уничтоженным, стертым с лица земли), обладают колоссальной проникающей силой. Эти ситуации подводят человека к границам существования, к «последней черте», выход за которую меняет конфигурацию жизненных пристрастий, личностных оценок, ценностных ориентиров. Пограничная ситуация проявляется при изменении не только социальных, политических, жизненных и культурных контекстов. Любое изменение контекста сопровождается речевыми трансформациями вплоть до исчезновения «сферы разговора», в которой мысль понимается. При этом подлинное общение уходит, а на его месте остается либо «безмолвие», либо «публичные» коммуникативные связи. Единственным «заслуженным собеседником»¹ в «разговорном вакууме» остается собственное Я, а формой беседы – дневник или письмо Собеседнику. Такой тип документов, содержащий выражение себя, собственных переживаний, интуитивных предчувствий, можно определить как «экзистенциальный дневник» [2].

В данной статье рассматриваются интуиции будущего, выраженные в экзистенциальных формах письма ученого (Григорий Церетели²), писателя (Михаил Пришвин), философа (Густав Шпет). Под форму «экзистенциального дневника» подпадают следующие блоки архивных документов: 1) письма Г.Ф. Церетели к жене и друзьям 1923-1930 гг.; 2) дневники М.М. Пришвина (1923, 1926, 1930); 3) записные книжки

Г.Г. Шпета 1920-х гг.; 4) Письма Г.Г. Шпета к жене и друзьям 1930-х гг.

Способ повествования в этих эго-документах задается методом самонаблюдения, предполагающим феноменологическое описание «вещей», данных сквозь призму сознания. При этом, замечу, наиболее глубоким видением будущего обладает человек, не только способный наблюдать за собой, за своими положением и экзистенциальными переживаниями пограничных ситуаций, но и рефлексивно оценивающий мир сквозь призму перспектив и реальностей его профессии как через прибор оценки. Рефлексия наших героев направляется не на внешний мир и не на отвлеченную социальность, а на содержание своего сознания. В случае дневника – на свое *миро-* и *само-*чувствие. Для нас важно, что на этом уровне рефлексии в сферу особого внимания автора «экзистенциального дневника» попадает его «жизненный мир», т.е. собственные «интуиции, переживания, акты восприятия» [3] и другие «движения души», осознание которых раскрывает перед ним самоценность Я, его неисчерпаемость. С помощью записи собственной «живой» речи наши герои пытаются преодолеть ощущение своей социальной «смерти», осознать необратимые последствия исчезновения интеллектуального круга общения и выразить их в интуитивных высказываниях о будущем.

В записной книжке 1921 г. Шпет пишет: «Декабрь 30. Почему печатают заметки и записки “Из записной книжки” только по смерти авторов, а не сами авторы? – Потому что авторы надеются развить когда-нибудь свои мысли, т. е., следовательно, верят в свое бессмертие. Иначе может относиться к своим заметкам тот, у кого зародилось подозрение в своей смертности» [4].

Словно услышав Шпета, Пришвин размышляет: «Наконец сегодня осознал, почему не могу до сих пор приняться за сборку своих архивов. <...> Потому что я надеюсь в будущем оправдать свою жизнь книгой, совсем настоящей» [5].

Ход мысли Шпета и Пришвина можно

интерпретировать следующим образом. Пока автор пишет ни для кого, он только в пространстве этой ничейности и остается автором, он записывает свою живую речь, полную ему одному присущих стиливых, грамматических, речевых, графических неточностей, нюансов, экспрессивной выразительности. Он не создает текст, но пишет «себя» с помощью слов. И когда наступает физическая смерть автора, неопубликованные им самим при жизни заметки делают *его* бессмертным, т.е. сохраняют присутствие его как субъекта в сфере разговора, позволяют читателям судить о нем самом, об элементах его субъективности, его личности, его поворотах мысли и присутствием ему способе выражения. Как только автор желает сделать свои заметки достоянием читателя, ситуация кардинально меняется. Готовя к публикации свои записи, он осознает конечность своего бытия, он пытается завершить запись, остановить ее и *оформить* в текст. Тем самым он умерщвляет себя как субъекта «живой» речи. Он умирает для себя не только потому, что останавливает запись, но и потому, что слова, с помощью которых он записывал себя в процессе «оформливания» (термин Шпета), как выражения для *другого* требуют соблюдения социальных правил письма. Автор ведет свой дневник или пишет записки не ради прямого воздействия на себя или на действительность, но ради самого рассказа, предназначенного для той или иной сферы разговора. И тогда с нами говорит уже не автор, а «язык как таковой», т.е. письмо как «изначально обезличенная деятельность» [6]. Публикация дневниковых заметок самим автором делает их уже не способом существования, а жанром литературы и подлежит литературоведческому анализу. Они перестают быть экзистенциальным дневником.

Мы обращаемся к историческому настоящему наших героев и к их переживанию этого настоящего как будущего: «Борьба прошлого и будущего называется настоящим, или собственной “жизнью”, – тут со-

стояние войны, называемое революцией, и мирное приспособление – быт. В эту эпоху строительства (быта) прошлое заглядывает в будущее, а будущее оглядывается на прошлое» [7].

* * *

Вот как переживает настоящее *Церетели*: «Общее чувство тоски осталось, мне все время не по себе, словно я одел платье, которое и жмет и давит, не переставая. Да и может ли быть иначе? Где университет? Его в сущности нет. Удалены Кареев, А.И. Введенский, Гревс, Добиаш-Рождественская, Заозерский, Лавров, Д.К. Петров. Прикреплены не к своим курсам: Жебелёв (Рим вместо Греции), Платонов (древняя Русь вместо Московской)³ и т.д. Ряд лиц попал на положение сверхштатных профессоров, т.е. без жалования. Появились махровые цветы красной профессуры: Тюменев (Греция), Боричевский (философия)⁴ и др. Ректор Державин⁵ надеется, что скоро “затхлая старина” заменится “новой блестящей новизной”. Одним словом всюду начинают пробиваться ростки невежества, наглости и научной дерзости. Настоящие же ученые ходят, как потерянные. Это настоящие *morituri*⁶, ждущие момента своей смерти! Прав Сережа Жебелёв, когда он с горечью сказал мне: “нет нашего университета, он умер”» [8].

В этой цитате переживание Церетели (*тоска*) оказывается весьма созвучным предчувствиям *Пришвина*, хотя и высказанным в другом контексте:

«Мысль о гибнущей родине, постоянная *тоска* (курсив мой. – Т. Ш.) не забывается ни при каких восторгах, напротив, все эти ручейки из-под снега, песенки жаворонков или зябликов, молодая звезда на заре – все это каким-то образом непременно возвращает к убийственной росстани: жить до смерти в полунищете среди нищих, озлобленно воспитанных на идее классово-борьбы, или отдаться в плен чужих людей, которые с иностранной точки зрения взвезят твою жизнь и установят ее небольшую международную значимость...» [9].

Переживание *Шпета* выражено позднее (в ссылке), поэтому его тоска уже не от переживания гибели родины, но от своей собственной социальной «смерти» и от разлуки с любимой женой: «Состояние чертовское! Говорят, нельзя испытывать двух чувств сразу, но тогда есть какое-то третье чувство – синтез двух: нервного напряжения и тоски. Малейший шорох, – и весь напряжен, сердце бьется, а тоска не перестает сжимать грудь и тянуть, тянуть...» [10].

Тоска – это то состояние духа, которое охватывало и Церетели, и Пришвина, и Шпета. Неизбывная тоска по прошлому – именно то переживание настоящего, которое составляло экзистенциальное основание их интуиций будущего. Тоска придает смысловую определенность их высказываниям о будущем, тонирует их, делает их точными, несмотря на то, что сами по себе они носят размытый характер.

Церетели. 26 августа 1923 года: «Об университете не пишу: старый университет умер. Теперь порождается новый. Думаю, что, как было это в средние века, работа научная будет идти помимо университета. Но среди молодежи есть очень талантливые люди, которые группируются вокруг старой профессуры: новая слишком слаба знаниями» [11].

6 декабря 1927 года: «В университете здесь неважно: ряд профессоров удален (Жебелёв, Платонов и др.), часть сделана сверхштатными (Коковцев, Крачковский, Петя Ернштедт)⁷, часть переведена на особое положение: могут, если хотят, читать *gratis* (Крюгер, Фармаковский⁸ и др.). Жалуются на тяжесть и восточники. У них снова введен институт лекторов, ну а профессора, по их выражению, на положении “поддужных”. Хорошо живется физикам, математикам и химикам. В Академии делается что-то странное. Впечатление такое, как будто Академия стоит на перепутье: влево пойдешь, шею сломаешь, вправо – костей не соберешь, а прямо идти Академия разучилась. Кого я видел – те в панике. <...> Вообще, что-то ожидается и во что

все отольется, сказать пока трудно! Я лично думаю, что Академию ждет судьба университета и коренная перестройка. <...> А куда плывет наш университетский корабль: ведь у него ни руля, ни ветрил» [12].

25 января 1928 года: «Вообще неразбериха полная, а над всей этой мышшиной бедотней веет грозная тень грядущих сокращений, чего многие боятся. Пострадают, конечно, стрелочники, но не тузы, пострададут те, кому и так есть нечего. И когда смотришь на все это и слышишь про то, что делается, на душе становится остро тоскливо и начинаешь жалеть, что нет Фиванды⁹, где спасались святые отшельники. Теперь такое время, что будь даже простой улиткой, и то враги найдутся. Но самое обидное это то, что что-то гадкое, что творится, творится “солью земли”, т.е. самими учеными» [13].

Пришвин: «7 февраля 1930. Университет, говорят, превращается в Политехнику, и это, “вообще говоря”, вполне понятно: революция наша с самого начала не считалась с тогами ученых и так постепенно через 12 лет превратила науку в технику и ученую деятельность в спецслужбу. Было благо-го-го-вение к науке даже и у попа Мишки Рождественского: занимался краеведением и стариной. Теперь поп Мишка Рождественский служит в Рудметаллтресте, занимается добыванием цветного металла из колоколов и больше не поп Мишка Рождественский, а тов. Октябрьский.

Я лично давным-давно расстался с научным «миросозерцанием», но сохранил уважение и теперь сохраняю к аскетизму ученых и их независимости от влияния многообразной повседневной жизни. Несомненно, особенно у нас, корпорация ученых была определенной большой общественной и политической силой. Теперь она снишла до основания и ученые стали просто техниками.

И Космос изъят из Академии. Давно пора! спектральный анализ – почтенный метод для техника, но он именно противник космоса.

Что же принесет с собой новый молодой человек на ту сторону бездны, разделившей нас с мечтой о любви к ближнему

по церковным заветам и с милым гуманизмом науки?» [14].

Шпет: «Настоящий момент есть момент величайшей опасности для духа. Коммунизм обнаружил себя со стороны, которую до сих пор – как и много другого в себе – тщательно скрывал. Ему нужна только техника, медицина и государственные чиновники, ему не нужна наука, дух, мысль. То, чем пугали в коммунизме, и чему мы не верили, оказалось действительностью. Коммунизм хочет довершить то, что не удалось христианству. Во имя спасения души христианство отказывалось сперва, а потом гнало чистую мысль, науку и творчество; то же делает коммунизм, но во имя сохранения чрева. Это может оказаться более действительным. Как и христианство, коммунизм, каким он изображается в идее, не будет осуществлен, но как и в христианстве, то, что будет осуществлено, – достаточно для уничтожения культуры мысли. Восток двинулся на Запад всерьез. Равнение в коммунизме по плебсу было предвидено, но полное и откровенное уничтожение мысли раскрылось только теперь; до сих пор казалось, что остается *minimum*, обнаружилось, что хотят довести до нуля. Ницше раскрыл тайну спасенья – в сверхчеловеке, – но он и растоптал ее. Поэтому остается действовать в открытую» [15].

Интуитивные прозрения Церетели, Шпета и Пришвина не носили *негативно-критического утопического характера*¹⁰, а во многом оказались *позитивно-критическим* осмыслением окружающей их реальности¹¹. Их интуиции будущего базировались на созерцании результатов воплощения Советской утопии, а потому уже не предполагали, что из реальности можно изъять все то, что отрицает их идеал, и идеал воплотится сам собой. Все уже и так изъяти. Жизнь наших героев оказалась перечеркнутой, потому что они находились в таком возрасте, когда уже очень трудно принимать «новую» реальность и «задрать штаны, бежать за комсомолом» (С. Есе-

нин). Они переживали события в стране как трагедию – и личную, и социальную. Пространство общения сжималось, пока не дошло до точки, до атома. Коммуникативная атомизация советского общества достигла своего апогея в 1930-е годы, когда «остаются только твои семейные, да еще два-три старичка, с которыми можно говорить обо всем без опасения, чтоб слова твои не превратились в легенду или чтоб собеседник не подумал о тебе как о провокаторе... Что-то вроде школы самого отъявленного индивидуализма. Так в условиях высшей формы коммунизма люди России воспитываются такими индивидуалистами, каких на Руси никогда не было» [17].

* * *

И Церетели, и Шпет, и Пришвин интуитивно предчувствовали, что будущее, пусть даже очень далекое, восстановит сферу разговора, в которой Мысль понимается. Экзистенциальным основанием этой интуиции будущего была уже не *тоска*, а *надежда*.

«Все слова, улыбки, рукопожатия, слезы, – писал Пришвин в 1932 г., – получают иное, внешнее, условное значение. <...> Быть может, настанет время, когда некоторые получат возможность шептаться, больше и больше, воздух наполнится шепотом или нечленораздельными звуками, или даже темными непонятными словами, которыми говорят маленькие дети, и, наконец, как у детей, выйдет первое слово...» [14].

Когда сегодня находишь выраженное в «экзистенциальном дневнике» Церетели, Пришвина и Шпета переживание настоящего как будущего, то видишь из нашего времени, что их предсказания были в своей конкретике ошибочными: и университет не погиб, и наука продолжала развиваться, и люди не все стали насквозь прагматичными. Тем не менее они предвидели оттеснение культурных оснований своего времени на периферию, уход ценностных ориентиров в тень, изменение траектории интеллектуальной культуры России.

Примечания

- ¹ Термин А. А. Ухтомского: «Каждый видит в мире и людях то, что искал и чего заслужил. И каждому мир и люди поворачиваются так, как он того заслужил. Это... “закон заслуженного собеседника”». И еще: «Пока человек не освободился еще от своего Двойника, он, собственно, и не имеет еще Собеседника, а говорит и бредит сам с собою; и лишь тогда, когда он пробьет скорлупу и поставит центр тяготения *на лице другого*, он получает впервые собеседника. *Двойник умирает, чтобы дать место Собеседнику*. Собеседник же, т.е. лицо другого человека, открывается *таким, каким я его заслужил всем моим прошлым и тем, что я есть сейчас*» [1].
- ² **Церетели** Григорий Филимонович (1870–1938) – филолог, один из основоположников папирусологии, исследователь античной литературы, профессор Санкт-Петербургского университета. В 1905–1914 гг. он возглавлял кафедру классической филологии в Юрьевском университете, а с 1914 г., после защиты докторской диссертации, стал профессором и заведующим кафедрой классической филологии Санкт-Петербургского университета. Среди его студентов был Осип Мандельштам. В 1917 г. Церетели был избран членом-корреспондентом Академии наук. В 1920 г. Г. Церетели возглавил кафедру классической филологии Тбилисского государственного университета, а с 1923 г. – также Научную библиотеку ТбГУ. Г.Ф. Церетели был почетным членом Папирологического общества Германии и Берлинского археологического института. 67-летний ученый с мировым именем был арестован в 1937 г. и вскоре расстрелян.
- ³ **Кареев** Николай Иванович (1850–1931) – историк, член-корреспондент Петербургской Академии с 1928 г., почетный член АН СССР (1929). **Введенский** Александр Иванович (1856–1925) – философ, профессор Санкт-Петербургского университета. **Гревс** Иван Михайлович (1860–1941) – историк, профессор. **Добиаш-Рождественская** Ольга Антоновна (1874–1939) – историк, член-корреспондент АН СССР (1929). **Заозерский** Александр Иванович (1874–1941) – историк, профессор Санкт-Петербургского университета. **Лавров** Петр Алексеевич (1856–1929) – славист, академик (1923). **Петров** Дмитрий Константинович (1872–1925) – филолог, профессор Санкт-Петербургского университета. **Жебелёв** Сергей Александрович (1867–1941) – крупнейший советский историк, академик АН СССР (1927). **Платонов** Сергей Федорович (1860–1933) – историк, академик АН СССР (1920). – *Прим. Т. Щ.*
- ⁴ **Тюменев** Александр Ильич (1880–1959) – историк древнего мира, академик АН СССР (1932). Основные труды – по истории античного и древневосточной материалистической методологии и социологии истории. **Боричевский** Иван Адамович (1886 [1892?] – 1941) – историк философии, профессор Санкт-Петербургского университета, преподаватель исторического материализма в Коммунистическом университете. – *Прим. Т. Щ.*
- ⁵ **Державин** Николай Севастьянович (1877–1953) – филолог-славист и историк, академик АН СССР (1931), последователь Н.Я. Марра. – *Прим. Т. Щ.*
- ⁶ Morituri (*лат.*) – идущие на смерть.
- ⁷ **Кокорцев** Павел Константинович (1861–1942) – лингвист, академик. **Крачковский** Игнатий Юлианович (1883–1951) – основоположник советской арабистики, академик. **Ернштедт** Петр Викторович (1890–1966) – филолог, специалист в области греческого, коптского и хеттского языков, член-корреспондент АН СССР (1946). Ученик Г.Ф. Церетели. – *Прим. Т. Щ.*
- ⁸ **Крюгер** Отто Окарович (1893–1967) – советский папиролог, эпиграфист. Ученик Г.Ф. – Церетели. **Фармаковский** Борис Владимирович (1870–1928) – археолог античности, академик АН СССР (1917) – *Прим. Т. Щ.*
- ⁹ Фивагда – пустыня, где спасались монахи – последователи первого отшельника этой пустыни, св. Антония. – *Прим. Т. Щ.*
- ¹⁰ Очень часто размышления о будущем представляют как утопическое сознание. Действительно, «утопия выражает глубинную потребность человеческого духа. В ее основании лежит порожденная *несовершенством* (курсив мой. – Т. Щ.) реальной жизни устремленность человека к иной – “совершенной” (с его точки зрения) реальности. <...> Это

стремление к совершенному устройству жизни, понятно, может представать в различных формах (в виде мифа, религиозных представлений, художественных творений, идеологии и пр.). Утопия – способ структурной тематизации этого стремления (в самом широком смысле) – может в той или иной степени присутствовать во всех этих формах» [16]. *Критическое* осознание несовершенства существующего миропорядка предполагает в рамках утопии *рациональное рефлексивное проектирование* совершенного состояния реальности, что определяет и специфику функционирования утопии в социокультурной среде.

¹¹ Замечу, что само разделение утопического сознания на позитивно- и негативно-критическое было произведено Б.И. Пружининим [16].

Литература

1. См.: Запись А.А. Ухтомского в письме к Е.И. Бронштейн-Шур от 6 апреля 1927 года // А.А. Ухтомский. Интуиция совести. Письма. Записные книжки. Заметки на полях. СПб., 1996. С. 252.
2. См. об этом: Щедрина Т. Г. Архив эпохи: тематическое единство русской философии. М.: РОССПЭН, 2008.
3. Подробнее о феноменологическом подходе к исследованию эго-документов см.: Новоселова И.Г. «Дневники» М.М. Пришвина: духовный космос. Владивосток: Дальневост. гос. ун-т, 2004. С. 155.
4. Записная книжка Шпета 1921 года // Архив семьи Шпета.
5. Пришвин М.М. Дневники 1926 года. Запись 2 мая. Цит. по электронной версии: URL: <http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/authors/prishvin/pri-1926.htm>
6. Барт Р. Смерть автора // Р. Барт. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. С. 385.
7. Пришвин М.М. Дневники 1923 года. Запись 17 ноября. Цит. по электронной версии: URL: <http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/authors/prishvin/pri-1923.htm>
8. Письмо Г. Церетели к И. Джавахишвили от 1 августа 1923 года // Литературная Грузия. 1989. № 8. С. 206.
9. Пришвин М. М. Из дневников 1930 года // Отечественные Записки. 2005. № 6. Цит. по электронной версии: URL: http://magazines.russ.ru/oz/2005/6/2005_6_26.html
10. Письмо Густава Шпета к жене Наталье Шпет от 23 октября 1937 года // Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие. М., 2005. С. 286.
11. Письмо Г. Церетели к И. Джавахишвили от 26 августа 1923 года // Литературная Грузия. 1989. № 8. С. 208.
12. Письмо Г. Церетели к И. Джавахишвили от 6 декабря 1927 года // Литературная Грузия. 1989. № 8. С. 217.
13. Письмо Г. Церетели к И. Джавахишвили от 25 января 1928 года // Литературная Грузия. 1989. № 8. С. 218.
14. Когда били колокола. Из дневников М.М. Пришвина 1926–1932. Цит. по электронной версии: URL: <http://www.bellstream.ru>; http://www.pravmir.ru/article_2603.html
15. Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии. II. Материалы. Реконструкция Татьяны Щедриной. М.: РОССПЭН, 2009. С. 521.
16. Пружинин Б.И. Ratio serviens? Контуры культурно-исторической эпистемологии. М.: РОССПЭН, 2009. С. 377.
17. Пришвин М.М. Дневник 1939 года // М.М. Пришвин, В.Д. Пришвина. Мы с тобой: Дневник любви. СПб.: Росток, 2003. С. 12.

SCHEDRINA T. INTUITIONS OF FUTURE IN “EXISTENTIAL DIARIES” OF 1920–1930S: GRIGORY TSERETELY, MIKHAIL PRISHVIN, GUSTAV SHPET

A key theme of this article is the relation of the eminent Russian intellectuals: scientist (Grigory Tseretely), writer (Mikhail Prishvin), philosopher (Gustav Shpet) to educational reforms of 1920–1930s in Soviet Russia expressed in their letters and diary notes. The author considers these records to be an invaluable existential experience which bears evidence of historical dependency of the modern state of intellectual culture and education system in Russia.

Key words: intellectual culture, education, hermeneutics, “existential diary”, intuition of future.